

Номинация «Моззля»

короткий список
премии «Лицей» 2019

ЛОТТЕ РУС
HOTEL & CONFECTIONERY

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ
«ЛИЦЕЙ»
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА
ДЛЯ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ
И ПОЭТОВ

Rideró

**Александра Герасимова
Денис Безносков
Василий Нацентов
Ксения Правкина
Александра Шалашова
Евгения Баранова
Евгений Горон
Антон Азаренков
Оксана Васякина
Эгвина Фет**

Номинация «Поэзия».
**Короткий список
премии «Лицей» 2019**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42624140
ISBN 9785449685254*

Аннотация

В сборник вошли поэтические подборки авторов, вошедших в короткий список премии «Лицей» в 2019 году: Василия Нацентова (Воронеж), Оксаны Васякиной (Москва), Антона

Азаренкова (Смоленск), Дениса Безносова (Москва), Эгвины Фет (Ставрополь), Александры Шалашовой (Москва), Евгении Барановой (Ялта/Москва), Евгения Горона (Москва), Александры Герасимовой (Томск), Ксении Правкиной (Лосино-Петровский). Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Антон Азаренков	8
Отплытие	8
Небесные ласточки	9
«Энциклопедия детских страхов...»	11
«Антошка, Антошка...»	14
Палочка от детского барабана	16
Колыбельная русского кладбища	18
«Этой рябью на чёрной воде...»	20
Паше Ковардакову	21
Спальный	22
«Когда с неба вопросительно промычит сирена...»	23
Скольжение	25
Кардиограмма	26
«Пейзаж по-прежнему спокоен и ленив...»	27
«Лунная ночь в квартире...»	28
Евгения Баранова	29
«Переводи меня на свет...»	29
«Несоответствия зимы...»	30
«Когда происходило всякое...»	31
Дом на набережной	32
«Над жизнью плачет индивид...»	33
«Запомни, сын...»	34

Славе Ставецкому	35
«Поезд дальше не поедет...»	36
«Слова текут, как очередь в музей...»	38
«Туда, где кормят гречкой...»	39
Херсон	40
«Заливал певцу штабному...»	42
«Не смей-не смей, не говори...»	43
«Он произносит, и происходит шум...»	44
«Что будет, если я тебе скажу...»	45
Колобок	46
«Когда был маленьким...»	47
«— Что за холмик на картоне?..»	48
«Где же всё, что мы любили...»	50
«Как искренне вдыхает человек...»	52
Мурава	54
Денис Безносос	55
каждое утро	55
эскилин в разрезе	56
повторение эдипа	59
иное ходит то стоит	60
хранилище	61
хуцинь	63
длинная стена	65
каркас. оболочка	67
хор	68
опись	70

натюрморт с фигурой	71
пейзаж с фигурой	73
схевенинген	74
во тьме семян животны скрыты	76
рассуждение о доме	78
метафора пчелы	80
шесть важных пейзажей	81
эпитафия	84
статус кво	85
гимн ацтекскому камню	86
теночтитлан	90
остров	92
кинг уильям стрит	95
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Номинация «Поэзия»

Короткий список

премии «Лицей» 2019

Авторы: Азаренков Антон, Баранова Евгения, Безносков Денис, Васякина Оксана, Герасимова Александра, Горон Евгений, Нацентов Василий, Правкина Ксения, Фет Эгвина, Шалашова Александра

- © Антон Азаренков, 2020
- © Евгения Баранова, 2020
- © Денис Безносков, 2020
- © Оксана Васякина, 2020
- © Александра Герасимова, 2020
- © Евгений Горон, 2020
- © Василий Нацентов, 2020
- © Ксения Правкина, 2020
- © Эгвина Фет, 2020
- © Александра Шалашова, 2020

ISBN 978-5-4496-8525-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Антон Азаренков

Отплытие

Там кабинет лечебных процедур,
там царство стёклышек, иголок,
как в запорошенном саду.
Наталья-отоларинголог
вставляет в носовой проход
негибкий шланг, но я не струшу,
за нею повторяя «пааа-рррааа-ход»
(не слоге «ход» надавливает грушу,
и в голове растёт воздушный шар
непо-меща-юща-яся душа).

А я на незаправленном снегу
назло Наталье уши отморожу
и шапку неудобную сниму:
так лучше слышно осторожное
постукивание веток, мерный скрип
промёрзших досок, свист в газопроводе...
Ещё гудок на нашем пароходе.
И чаек удаляющихся всхлип.

Небесные ласточки

О.М.

Здесь был дом.

Ты проводишь меня на ощупь
по невидимым комнатам, расчерченным на песке.

Вот хороший ориентир —
два старинных древесных стража
по бокам от «Крыльца».

Ты проводишь меня по памяти.

Это «Кухня»

(и слышно, как
наливают стакан шипучий... и гул конфорок).

Вот «Прихожая», «Детская», «Папа».

Осторожно обходим «Папу».

Здесь, кажется, «Телевизор»...

Это в тесном кольце новостроек высокий забор
пансиона «Небесные ласточки».

Он стоит над тобой, как погода,
как радужный дождь,
прозрачный и неохватный.

И у этой черты – знаки ёлочек, грустных кавычек
придомового «Сада».

Промелькнёт вслепую маленькая пичуга.

Вот качели,
красивый ребёнок
(это девочка),
босоное па в опрокинутость мокрого неба...
Карауля на взлёте,
каждый раз озорная собака
прыгает:
хочет цапнуть за палец.
Клац!
Но «Ты» ускользаешь.
Всегда
навсегда
ускользаешь.

«Энциклопедия детских страхов...»

Энциклопедия детских страхов:

меня маленьким мама водила в секту.

Я до сих пор помню этот запах

дешёвой мебели. И все, кто

собирался в обычной двушке за чудесами

к вечеру обговорённой даты,

это толстые женщины с заплаканными глазами

и какие-то бородатые.

Всё начиналось с магнитофонной проповеди,

и, если мешал неугомонно кричащий

ребёнок, мне иногда давали попробовать

вина из старой церковной чаши.

И уводили в другую комнату.

Хозяйские дети очень любили,

когда большие-и-незнакомые

люди давали нам в руки библии.

Мы начинали и спотыкались

на каждом слове. В уютном шуме

за стенкой бубнили про апокалипсис

и долго шуршали шубами.

То ли от страха, то ли от гордости

она останавливалась на пролёте

и говорила: «Когда соберёшься в гости,

не рассказывай папе и той – другой – тёте».

...Ночью душно даже с открытой форточкой.
Из-под курток в прихожей торчат не вешалки, а рога.
Часто-часто по сухой и шершавой жёрдочке
перебирает лапками попугай.

* * *

Какой тёплый вечер, мурза вечеров!
И тысячей разных соков
повисла тугая лоза его...
Сушёных едим осьминогов
мы вместе с отцом в придомовом саду
и пьём запотевшее пиво
(как будто предвидя, что в гости приду,
хорошего взял). Половина
восьмого, и он говорит,
жуя. Припозднившийся сводный
калитку скрипучую брат отворит,
холёный подросток Вова.

Мы трое в беседке, в стемневшем саду,
в тревожном приёмном покое.

Но станет чужое родным, когда

в тяжёлом небесном разводе
пролётят по всем нам одна звезда.
– *Саша, Антоша, Володя...*

«Антошка, Антошка...»

Антошка, Антошка...

Будет твоя душа
как жареная картошка.
Вынут червивый клубень,
отмоют и приготовят
с пряным чесноком,
базиликом душистым.

Носят тебя, Антошка,
по воздуху за подтяжки —
от дома и до работы,
от работы до гроба.
Сучишь замлелыми ножками
во сне, а думаешь – по земле.

Ох, Антошка, Антоний,
Тоша, Антонция, Тонче,
Антон Александрович, Тоха —
кто ты для них ещё?.. —
спи в тёплой персти и прахе,
спи до последнего вздоха,
спи и не думай,
что ты прощён.

Па-рам-пам-пам.

Палочка от детского барабана

такое в прощёное не простят
это хуже чем котят
это хуже чем в мелкой луже

такое сделаю ну ТАКОЕ
ох как же у меня трясутся руки
я вам тут отвечаю блин всё испорчу

а то мир говорите у вас тут правильный
смотрите тут советские водевили
и прочие мультики
говорите *халё-ё-ёсий мой* и *тяка-тяка*
взрослые
благополучные
православные

поначитаются толстых книжек
понавыпускают своих брошюрок
напонапозаканчивают филфаков
и все такие с переподвыподвертом
вот доем свой последний
истекающий тёплым жиром
блинчик
и порву ваш пластмассовый барабанчик

а в прощёное

а в прощёное

потечет молоко сгущённое

Колыбельная русского кладбища

Ходил, качался в сосновой гуще,
ходил заросший.
Мерещились сумраки стерегущие...
О, гороухца!
На старом кладбище, у опушки,
лежит брательник,
и над евойной крышкой растёт-колышется
можжевельник.

Пришёл и, глядя слезоточаще,
достал чекушку.
Не спит весною, в сосновой чаще
частит кукушка.
«Ну, здравствуй, Сенечка», – говорит.
Присел, покушал.
«И мамка скоро уж», – говорит.
Шумит опушка.

Трещат стволы на опушке той,
трещат, качаясь.
Стоят кресты вдоль опушки той,
не кончаясь.
Ищи, свищи – всё большой страны
глухие дебри;
шевелит ветер сухой травы

пустые стебли.

Иди, гляди в горизонт. С трудом

иди, шатаясь

и в том сиянии голубом

р а с т в о р я я с ь

Гнёздово

«Этой рябью на чёрной воде...»

Этой рябью на чёрной воде...
И ноябрьским гулом.
Сапогом, поскользнувшимся в борозде,
заброшенным лугом.
У сквозного забора, в какой-нибудь слободе,
под какой-нибудь Вязьмой.
Навсегда, навсегда, навсегда-езде.
Налипающей грязью —
на колёса, копыта и сапоги —
чёрной, скользкой.
Этим замершим воздухом западни,
этой погодой польской.
От кольцевого шоссе
потусторонним гулом.
Под дождем с характерным *пше*
гаснущим поцелуем.
И строкою Целана. *Ein Dröhnen: es ist...*
И щавелевым лугом детским,
что теперь в полуснеге лежит, нечист,
и очнуться не с кем.
Этой рябью... и взвесью... и белой мглой.
Черно-белым военным снимком.
Это же не затмение, а свет контровой!
Кто-то, кажется, с нимбом...

Паше Ковардакову

Коммуналку в каком-нибудь Заднепровье,
где унижен быт, высосанный из пальца,
и в зеркало пеняет само здоровье:
повеситься, чтобы выспаться.

Пир ночной перманентного Колхозона.
Постучится мент – никаких гарантий.
На коврах, обоях в разгар сезона
подрагивает орнамент.

Где любовь... Только что с любовью?
Проползают бабы, замызган Ясперс.
Ночью храп и скрежет зубовой,
перекур между сном и явью.

И орешь в просвет: «Ерихона б! Землетрясения!» —
в стихаре одеял... Но жестоко утро.
Вот и местные фарисеи
не веруют, ибо и так разруха.

Спальный

НИКИТА МЫ ТЕБЯ УБЬЁМ
краснеет надпись на подъезде.
То не в подпитии бабё —
то неизбежное возмездье.
То *мене, текел, упарсин*
последней ночи вавилона
среди черёмух и российских
горит в преддверьи перелома.
Никита, мы тебя убьём.
Храпят усталые хрущобы,
и переваривать живьём
горазды ихние утробы.
Из страшной огненной печи
на высоту наглядно солнца
его хотя бы утащи,
угомони, когда проснётся.

«Когда с неба вопросительно промычит сирена...»

Когда с неба вопросительно промычит сирена,
нужно будет отвечать за слова,
многочисленные слова —
отвечать не словами.

Когда медленно
спустится
на развёрнутом звёздном куполе
блистательный парашютист,
устыдимся своих розоватых складок,
но всё равно
не издадим ни звука.

И даже тогда,
когда будут привязывать к нам —
к этой, к этой, и к той, и к тому —
воздушные шарики,
увлекающие в безвоздушную тьму
наших любимых,
не поднимем глаза:
бойкот.

Пусть берут, что хотят.

Пусть кидают нам сверху бомбу
сердобольного солнца с гвоздём внутри.
Пусть старается этот экзюпери,
мы не слышим пронзительный гул самолёта.
Нас не связывает высота.
Этот, этот, и тот, и та —
мы неслышимнеслышимнеслышим,
винта
вашего мы не слышим!
И тише,
тише там.
Тсс...

Скольжение

И кто нас в итоге поймёт и полечит?
ни строгие музы в струящихся платьях,
ни музы попроще.

О, не кружевницы, что тише воды,
а наливницы случайной браги
брожения ночи.

И даже не эти. Такие есть раны,
такие дыры... —

что льётся из крана, из полного рога
и падает в жадном водовороте,
в вакуумном чавке.

И мы почему-то туда утекаем,
где нас, почемучек, – простят ли, утешат?
и крикнет надсадно в тоннель на прощанье
смущённая уточка.

Кардиограмма

в разрезе инжир
солнце, потерянное в Алжире
Альбером Марке
разрежённый
альбомный лист
и люди тают в пейзаже
как портовые дымки
как слякоть пространства вдоль набережной
реки
времён
когда уже не родился

радио ретро, радио ностальжи
кардиовертер
не выровнял
ритм

*– сбитым дыханием
с вами по-прежнему говорит
ветер*

«Пейзаж по-прежнему спокоен и ленив...»

Пейзаж по-прежнему спокоен и ленив.
Плетутся дворники, сплошь беженцы с Донбасса,
в костры свои последние подбрасывать
просроченный новокаин.

День-призрак: сон не сон: феназепам.
Звонят Покров. Прилипли мухи к стёклам —
четыре ноты на стекле: до-ре-ми-фа
на фоне сна. Зудёж кровоподтёка.

Запомнил всё, проникся, наглotalся.
Спасибо, что остался.

14.10.2015, рославльская ЦРБ

«Лунная ночь в квартирке...»

Лунная ночь в квартирке:
холодная тень треноги,
картинки на всех булавках,
столбики на страницах...

Зрение меньше веры.

Луч из слегка приоткрытой двери
становится толщиной с волос
с головы отвернувшейся Ариадны,
с золотой пояска Мадонны.

Нет, ничего не видел —
за глаза хватило намёка
(разводы на зеркалах и стёклах,
свет на щеке у Ани).

Хорошо из меня поэта
серьёзного не получилось.

Всё что ни делается – всё к лучшему,
как говорят христиане.

Евгения Баранова

«Переводи меня на свет...»

Переводи меня на свет,
на снег и воду.
Так паучок слюною лет
плетёт свободу.
Так улыбаются киты,
когда их будят.
Так персонажами Толстых
выходят в люди.
Переводи меня на слух.
Из школы в школу.
Так водят маленьких старух
за корвалолом.
Так замирает над гудком
автоответчик.
Переводи меня тайком
на человеческий.

«Несоответствия зимы...»

Несоответствия зимы,
её пронзительная прелесть,
в пересечении прямых
под снегоборческую ересь,

в натёртом дочиста окне,
в непротивлении грязице,
в ботинок хриплой болтовне
с неопалимой голубицей,

в коротких встречах, в огоньках,
в морозной памяти подъезда,
в снежинках, снятых с языка,
не успевающих исчезнуть,

в таком немыслимом, простом,
в таком забытом, изначальном,
как будто перепутал дом,
а там встречаются.

«Когда происходило всякое...»

Когда происходило всякое
и тучи с городом дрались,
больной по лестнице Иакова
то вверх подпрыгивал, то вниз.

То разгонялся мимо ампулы,
то ставил йодистый узор
на грудь прожаренную камбалы,
на вермишелевый забор.

Бледнел до творога зернистого,
гонял таблеточную кровь.
И сердце ухало неистово,
как раздраженная свекровь.

Просил прощения у капельниц,
бахилам вежливо кивал.
И думал – как-нибудь наладится.
И ничего не забывал.

Дом на набережной

Время уходит.

Время.

Время всегда уходит.

Девочками на пляже
просит не провожать.

Путается в тельняшке тканевый парходик.

Падает на лужайку чистый чужой пиджак.

Дети кремлёвских спален слушают пианино.

Радионяня Сталин ловит остывший дым.

Время летит над всеми набережной не длинной.

Время летит над нами Чкаловым молодым.

Фабрика-комсомолка не выключает примус.

Главная рыба рыщет, маленькая клюёт.

Скоро шальную шею у головы отнимут.

Синий платочек треплет радуга-самолёт.

«Над жизнью плачет индивид...»

Над жизнью плачет индивид,
а дом его клюёт,
жестяным носиком стучит,
бурчит водопровод.

Куда-куда ты уходил?
Куда-куда пришёл?
А человек ревёт, дебил,
ему нехорошо.

Прости, он дому говорит,
я шел, куда нельзя.
Я наблюдал метеорит,
выпиливал ферзя.

Я вырубал газетный лес,
я не жалел подошв.
Я добирался, я воскрес,
зачем меня клюёшь?

Затем что слаб, затем что впрок,
затем что жизнь легка,
что тишиной изъеден бок
что твой, что пиджака.

«Запомни, сын...»

Запомни, сын,
льняные крылья
не подчиняются уму,
они хрустят небесной пылью
от никого до никому.

Они скользят по снежной кашке,
глядят на транспорт свысока.
Да что там выкройка – рубашка,
халат, футболка, облака.

Да что там падать – так, катиться,
журить прохожих за испуг.
На белом теле лебедицы
выискивать чернильный пух.

Славе Ставецкому

И ты б заискивал, и ты бы
не мог расправиться с собой,
когда б графитовая глыба
вдруг оказалась голубой,

когда б сквозь тело вечер хлынул,
неудержимый, как пчела,
и ты б отыскивал глубины,
учился странного желать.

И обнаружив нож опрятный
и ванну, полную воды,
и ты б давился вероятной
предотвратимостью беды.

Потом курил бы на балконе,
следил за падалками звёзд.
Да, ты бы понял, ты бы понял,
что пережить мне удалось.

«Поезд дальше не поедет...»

Поезд дальше не поедет.
Просьба выйти из вагона.
Чай, не маленькая. Чаю!
с медом, с мятой, с молоком.
Черепна моя коробка.
Тяжела моя попона.
Кто там щёлкает грозою?
Кто хрустит дождевиком?

Кто мелькает в сиплых тучах,
притворившись гражданином
с нижней лестничной площадки?
Или, скажешь, не похож?
Поезд дальше не поедет.
Забирай своё, рванина.
И вот этого Ивана,
И Степановну – под дождь.

И пошли они отрядом,
кто с пакетами, кто с внуком,
кто с тележкой продуктовой,
кто с ровесником вдвоём.
И остались только пятна.
И осталась сетка с луком.
И остался тихий поезд

под невидимым дождём.

«Слова текут, как очередь в музей...»

Слова текут, как очередь в музей.
Возьми билет, на статуи глазей.
Нащупай шаг, привыкни, пристыдись.
Не жалуйся зрителю *на жисть*.
По леднику ступай, по леднику.
Посверкивая ножичком в боку.
Поигрывая в салочки с людьми.
Слова растут – ты с ложечки корми.
Молчанием, болезнью, суетой,
бескормицей и комнатой пустой.
И завистью без толку/без вины.
Слова не для тебя тебе даны.

«Туда, где кормят гречкой...»

Туда, где кормят гречкой,
где жёрдочка тонка,
стирает человечка
тяжелая река.

И линиями ножек,
и кляксой головы
он хочет быть продолжен
такими же, как вы.

Он хочет быть повсюду.
Упрятаться, живой,
за бабкину посуду,
за шкафчик угловой.

Работать на контрасте.
Плясать издалека.
Но не теряет ластик
волшебная рука.

Херсон

Солят рыбу. В воздухе прогревом
тонкая сияет чешуя.

Ловит, ловит паутина веток
солнечную простынь за края.

Мне четыре. Я не знаю способ,
как без боя косточку извлечь.
Катятся цветные абрикосы.
Катятся по небу абрикосы,
успевая пятнами обжечь.

Год стоит на редкость урожайный.
Трут малину, выбирают мёд.
Мне четыре. Я узнала тайну.
В том окошке бабушка живёт.

Робкая старушка золотая.
«Съешь три ложки, а потом ложись».
Посмотри-ка, вот она моргает.
Посмотри-ка, вот она бежит.

Неужели вы её не знали?
Кто тогда нам выключает свет?
Кто нашёл потерянный сандалик?
Трёхколёсный дал велосипед?

С Тошиком возиться без опаски
кто позволил?...

Вечер далеко.

Жизнь сошла коричневой краской
по осколкам дедовых очков.

«Заливал певцу штабному...»

Заливал певцу штабному
беглый инвалид:
«Человек один другому
не принадлежит».

В этой музычке кондовой
средство от потерь.
Человек подобен совам.
Заполярный зверь.

Только крылья промелькнули,
только вымок взгляд...
Но совсем не верить, Юля,
иногда so hard.

Так ли больно? по-другому?
больно – вообще?
Человек – труба без дома.
Ящик без вещей.

«Не смей-не смей, не говори...»

Не смей-не смей, не говори,
покуда красота
ползёт от Рима до Твери,
от круга до креста.

Щербатый дождь башку расшиб
о каменный живот.
Здесь всё вода, кумыс-кувшин,
здесь всё водопровод.

Вода поёт, вода прочтёт,
вода тебя простит.
Живая хмарь, живой расчёт,
живой надежды щит.

И рыба – рыбе, и звезда,
и жгут насквозь лучи.
А ты молчи, пока вода.
Пока живёшь, молчи.

«Он произносит, и происходит шум...»

*Она произносит: лес
Сергей Шестаков*

Он произносит, и происходит шум.
Цапелюшка-искра роется в облаках.
Капли туристов перетекают в ГУМ.
Лобного платья вспыхивает рукав.

Он произносит, и наступает жар.
Влажными пальцами не оставляя след,
сны собирает – или приносит в дар
чабер, лаванду, клевер и бересклет.

Он произносит, и вызревает день.
Это ведь просто – дни пришивать ко дням.
Выгладить реку, пересадить сирень,
клипсы акаций в мелкий ручей ронять.

Он понимает, мало в тебе огня.
Ходишь вдоль клетки, разыскиваешь ключи.
Вдруг выдыхаешь: «Отче, помилуй мя»,
но никакого звука не различить.

«Что будет, если я тебе скажу...»

Что будет, если я тебе скажу,
мол, катится сентябрь по этажу,
в капрон скрывая ласточки лодыжек?
Тепло уходит, мало ли нам бед,
зато приходит маленький сосед,
раскутывает маленькие лыжи.

Консьержка заменяет сухостой
на астры, в их строении простом
присутствует желание пробиться.
А я, скорее, бархатец. В дожди
я погибаю с легкостью в груди,
подобно миллионам чернобривцев.

Отставить меланхолию зовут
день города, день выборов, салют.
Оставим их для грусти разрешённой.
Что будет, если я тебе солгу,
мол, солнце не останется в долгу
и вытеплит ложбинку для влюблённых?

Колобок

Унеси меня, лиса.
Ты не видишь, что ли,
замыкает полюса
от ресничной соли.

Заблудился, занемог
маменькин разведчик.
Преврати меня в замок
на воротах речи.

Где приставок тополя,
где глаголов корень,
где купается земля
в громе колоколен,

всякий светел, всяк спасён,
всякий безупречен.
Унеси меня, лисён.
Мне спастись нечем.

«Когда был маленьким...»

Когда был маленьким,
то всё казалось длинным.
Фонарь, линейка, мусоропровод.
Теперь всё коротко: летит июль пчелиный,
колючий март царапает живот.

Сиди себя тихохонько да слушай,
как пух пылинки городу сдаёт.
Когда был маленьким,
хотелось лампу-грушу.
Теперь не хочется,
теперь не до неё.

Ни вафельку, ни жареного хлеба,
ни белого мороженого литр.
Когда был маленьким.
А разве я им не был?
А разве я с ошибкой не делил?

Ни контурная карта Ленинграда,
ни Майн, ни Рид, ни Витя Коробков
не помогают выжившим пиратам,
хозяевам цветных грузовиков.

«— Что за холмик на картоне?..»

- Что за холмик на картоне?
нарисован как?
- Это леший пни хоронит
в юбках сосняка.

Как схоронит, на поляну
вынырнут свои —
дятлы, иволги, жуланы,
сойки, соловьи.

Как запляшут для потехи,
как возьмут в полёт...
Плащ полуденницы ветхий
огоньком мелькнёт.

Выйдет в косах, выйдет в белых,
поцелует в лоб.
И останется от тела
кожаный сугроб.

Вот так и проплыву тебя во сне,

как вздох над нет, как статую на дне,
как вытертую в табеле отметку.

Звенит крылом комарик-звездочёт,
густая кровь сквозь сумерки течёт
и капает с небес на табуретку.

Мы никогда не будем – «я проспал!» —
терять такси на аэровокзал
и по-французски спрашивать прохожих.

Мы никогда не будем спать вдвоём.

Глядит лицо на новый водоём,
на хлопок, на синтетику, на кожу.

Не завтракать расплавленной лапшой,
не спрашивать кота, куда он шёл,
не радоваться музыке знакомой...

Тебе не слышно, слышно только мне,
как комары целуются в окне,
как жалуется муж на насекомых.

«Где же всё, что мы любили...»

Где же всё, что мы любили.
Где же всё?
Земляника в горьком мыле,
шарф с лосём.

(лОсем, лОсем, так учили
в третьем Б).
Кто остался – А. в могиле —
на трубе?

Буквы долго руки мыли,
ка-я-лись.
Не пересеклись прямые —
пресеклись.

Заливало солнце кашу,
жгло сорняк.
А теперь команда наша —
ты да я.

Не кузнечик ждёт за печкой —
мертвецы.
Что рассказывал о вечном
Лао-цзы?

Кто там, кто на фотоснимке

в Рождество?

Зайки, клоуны, снежинки. —

Никого.

«Как искренне вдыхает человек...»

Как искренне вдыхает человек
пар тонкорунных, временных акаций,
когда, тридцатилетен, робок, пег,
идёт к прудам водою надышаться.

Когда осознаёт, что он разбит
лебяжьим небом, говором синичьим,
и всё, что он неслышимо хранит,
вторично, одинаково, вторично.

Вот он дрожал, вот обнимаем был,
вот тёр лопатки синим полотенцем.
Всё ждал, и ждал, и жаждал что есть сил
какого-то нездешнего сюжетца.

Какого-то прохладного огня,
какого-то необщего рисунка.
Но не нашёл и вышел, полупьян
от августа, с собакой на прогулку.

Пойдёт ли он за чипсами в «Фасоль»?
возьмёт ли овощей (морковь, горошек)?
Он чувствует, что вымышлен и зол,
но ничего почувствовать не может.

Как искренне не жалко никого.
Купить ли замороженную клюкву?
Идёт домой простое существо,
бестрепетно привязанное к буквам.

Мурава

Дано мне тело, что мне делать с,
когда вокруг поэты собрались
и спорят в любознательности гадкой.
Я существую дольше, чем живу.
Осталось наблюдать сквозь мураву,
как время прорастает сквозь лопатки.

Зачем балет с игрою на губе,
когда предмет не равен сам себе,
но равен отражению кирпичик.
Зови меня по имени, я – хор
капризных братьев, вымерших сестёр,
жаль, страх не избавляет от привычек.

Как маленький порок у соловья,
как мышцы от движения болят,
как раскалённым дням циклона темя,
дано мне тело. Разве что взамен.
Уходит в воду трезвый Диоген.
И ничего не остаётся, Женя.

Денис Безносков

каждое утро

исходят там высокие бетонные трубы
сгустившимся на холоде расплесканным дымом
уткнув лицо в округлое нависшее сверху
вцепившись ртом в упругие по-над кровлей ткани
подножья их корнями вниз в асфальт укрыты
тяжелые там здания согбенно дышат
задрав язык колебля дым бесшумные знаки
из воздуха над городом распухшие видно
там есть внизу укромные подъезды проходы
промозглые окраины дороги есть и те кто
живут недопробудившись или те кто больше
не могут пробуждение свое наяву видеть
скрываются безротые в задумчивых толпах
вдоль них плывут дремотные хрипя механизмы
туда идти приходится каждый день а после
обратный путь сюда искать потом под вечер

ЭСКВИЛИН В РАЗРЕЗЕ

спрямлённые тропы
некогда поперёк продетые изгибом пренебрегая
очередным продления
своеобычия пород
почвенных ради теперь выхолощены
но упорядочены не вызывать в памяти дабы
свидетельства
инакообитавших на заселённой
ныне территории
не пробуждать утраченных значений но
предъявлять понятное
вместо руин извлечённых частично запрятанных в склон

прослойками туфа
почвенный изнутри послушными расчерчен профиль
от палой
перегнивать останками
предполагающей листвы
выпуклый мягкий под ним выпраставшийся
дерн под прогалинами где переход к зыбкому глубже где
смешаны
коричневато чёрный с мучнисто белым
ярус помещается
мелкозернист к поверхности отмерший слой
за другим подьемлется

плодонося через толщу породы втоптавшись в неё

за стенами прежде

многие свезены покоились в разбухшем грунте сюда же

кто второпях опознан был

тех с безымянными внутри

верхнего слоя затем пригородами

и поселениями плотно покрыв там помещали

дальнейшие

препровозя останки к колодцам ямы

роя где ни попадя

прочих туда из города слагая не

указав надгробием

где кто лежит не приметив иные на склоне места

морщины рельефа

схмурены по краям поверхности заросшей садом

чащобой

пиний травы расчерканы

исполосованы промеж

нитками вьются стволов выстроенные

в гущу закопанные тропы теперь около прежних

некрополей

располагались чьи-то среди жилища

зарослей кустарника

известняка и нынешней возникшей вне

тишины спокойствия

сгладив ландшафт порождая постройки дорожки дворы

потом появились
линии вертикалям вторящи стремящим кверху затылки
опорожнить влекомые
переворочанную глубь
плоскости встали дома спрятавшиеся
между развалинами прежних вокруг пустошей возле
фундаментов
и полуглубь где вспряла над смыслом память
загодя конструкцию
предположив несущую того что есть
первоочерёдное
перед другим по порядку под кожу вживляясь ему

продолженным вместо
точного промежутком времени насытив землю скрепляет
пласты руин с остатками
невосполняемый процесс
лепки вершимый поверх судорогами
звука оставленного кем-то внутри сдавленный вертит
окружности
перемещает ткани затем сличая
прежние строения
с тем что теперь поставлено на каждый склон
скорлупы надтреснувшей
сладив вокзал привокзальную площадь скульптуры
людей

повторение Эдипа

в плотные вмешавшись волокна
шелухи толщина которой
с возрастом увеличилась

внутренность исследуя сферы
острием расщепляя сетку
тесную эпителия

скользкую минуя сетчатку
в стекловидный и влажный сгусток
зрительный надрывая нерв

ввинчена ударом наотмашь
от застежки игла в глазницу
жертвуя наблюдением

должного и дальше смиренно
исполняет сюжет а после
действие повторяется

ИНОЕ ХОДИТ ТО СТОИТ

здесь поодаль либо затмивши зыбкий
на подставке гладкий экран в каком бы
спрятать лица но поместили в раму
скопище масок

зритель каждый ходит стоит и дышит
хмуρο возле входа скуля и скаля
зубы тихо ждёт размышляя вот им
дверь отпирают

хранилище

стен унылых вдоль завозят в помещение
где повсюду на больничных койках лёжа те
среди немых быв симметрично сшитых накрепко
дни длить тщетно предпочетших распознав нутро
форм пространств и мер пространства русл
поверхностью

поглощённых влаги сеять обходя вокруг
всхлип свой снулый в тьме теряться с ней
не свыкнувшись
кто под простыни в укромных чашах свален внутрь
оказался по итогам а уйти не смог
стен шершавых вдоль ведомы прежде будучи

по кроватям гнёт законов тяготения
и распада ежечасно на груди неся
накрывая веки марлей хрип лежат сглотнув
неспособны на ступни встать распрямиться ни
опереться весом хрупким о конечности

из отверстых челюстей глух меж губ стиснут гул
протяжённый от прохода вдоль бетонных стен
к койкам в волглых окоёмах к подоконникам
к стёклам мутным что граничат с коридором где
тусклы лампы с потолка вниз жёлтый сыплют свет

изо дня в день новых груды в помещение
где промозгл стон привезённых запах с силой сжат
всеобъемлющ и с изнанки вкус слюны впитал
внутри завозят по проходам еле тянут груз
на носилках обо швы плит об порог стуча

прочих после кто ввезён был оставался здесь
присмирив ждал прилепивши к потолку свой взгляд
перевозят молча дальше массу их учтя
а снаружи в коридорах и за ними вне
стен не слышно тех кто ходит кто считает их

ХУЦИНЬ

на углу где вниз узкий спуск под землю
из тугих двух струн звуки извлекая
шелковых смычком с ним взывает хриплым
голосом но слов не понять из глотки
что ползут перил липких не касаясь
по шлифованным желобам и трубам
жилистый старик сев на табуретке
песнь крича трясет бородой козлиной
сбоку вслед толпе мимо суетливо
но медлительно в переход плывущей
по пути плюясь схаркивая влагу
под ноги себе пряча рты в повязки

то ли будучи знаниям свидетель
тайным но изречь выразить не в силах
их значение то ли одержим став
бредом спутав сплошь мысли повторяет
нечто по слогам собранное скопом
в плотный текст из недр черепной коробки
запечатаны веками незрячи
вогнуты глаза лысина лоснится
от жары струясь пот ползет на щеки
покрывает лоб заплетаясь губы
от усталости воют с отстраненным
звоном струн стремясь сопрягать напевы

сумасшедший вопль алчущий продраться
в слух направленных из одной в другую
точку или песнь мудреца к оглохшим
не умеющим распознать смысл оной
шевелиясь ползет растворяясь в гвалте
переулка где шелестя ступнями
говорливых сонм многоног всеяден
лотофагов вниз по крутым ступеням
организм несет свой един из множеств
на отдельные лики неделимый
воплотясь в поток потеряв способность
струнам внять смычку счесть слова слепого

Длинная стена

в морщинистую поверхность земной коры
погрузившись по щиколотки
рассчитывая остаться поверх хребтов
над холмами изломанными
наращивая кубами суставы гор
меж отрогов вытягиваясь
чешуйчатые под солнце и дождь бока
подставляет выныривая
из внутренностей рельефа вспоров ландшафт
опадая развалинами
задумчивая на склонах крутых прижав
к почве тело беспомощно
изогнутые фаланги вплетая в дно
перспективы бездельничая
с окрестностями сливаясь и шум подошв
проглотив переваривает

величественна размером но вместе с тем
не способна растрачиваясь
обязанностей исполнить и просто так
о прошедшем свидетельствует
разросшимися ветвями уходит вглубь
горизонта разомкнутого
в бессмысленности исконной погрязнув впредь
притворяется памятником

каркас. оболочка

дырявый мир с приплюснутым небом
висит покачиваясь на ветру
в нем виден дым спокойные рыбы
и гул вращающихся на краях
простейших в нем за лампочкой стрекот
пружин просвечивает пустоту

никто из тех кто выведет страхи
идей ветшающие кто корпел
над дном графем не вытерпел массы
последствий тянущихся по пятам
за всяким но беспомощный слушал
и смысл нащупывая говорил

хор

обезмолвлены хрустят пальцами
обездвижены сидят голые
на развалинах сырых щуря взгляд
одинаковы сидят с кляпами
в безучастных ртах бубнят громкий гул
и медлительно зрачки двигают
лбы наморщены у них бледные
напряженные сопят ноздри их
проглотить стремясь еще времени
пробубнить еще в тугой ткани ком
сквозь отверстие провыть а затем
обесмыслившись пресечь зрение

ветхой устлан пол кругом мебелью
полны утварью в углах ящики
и громоздкими бумаг кипами
наводненные столы спины гнут
повернувшись в центр сырой плоскости
монотонный рой гудит гомоном
оглушенные сидят бледные
каждый смотрит вверх стремясь выяснить
смысл реченного вверху тих висит
потолок щербат покрыт плесенью
а вокруг со всех сторон тесное
средоточие чужих ртов и глаз

громче рой гудит глухой давящий
нарастает гул среди ящиков
полных утварью среди мебели
растекается водой по полу
продолжают петь из-под кляпов рты
и медлительно зрачки вертятся
тяжело сопя хрустят пальцами
одинаковы сидят голые
вой сгущается плывет вязкий вой
поднимаясь вверх к сырой плоскости
не смолкает гул из ртов с кляпами
нарастает вой среди кип бумаг

проглотить стремясь еще воздуха
повторяя вопль в губах крепко сжав
монотонный звук стремясь выведать
на развалинах итог времени
каждый смотрит вверх где сплошь плесенью
потолок покрыт и там ищет грань
не смолкает вопль гудит вертится
не способные сомкнуть губ сухих
не способны гул прервать голые
обездвижены сидят щуря взгляд
а вокруг со всех сторон тесное
средоточие других ртов и глаз

ОПИСЬ

в одном из одинаковых кабинетов
где есть окно стол и пара стульев
(один для обитателя кабинета
другой для вошедшего из коридора
неизвестного который не по своей воле
будучи отправлен сюда деликатно
постучав в дверь спросив разрешенья
заходит здороваётся и садится
на стул напротив обитателя кабинета
с тем чтобы передать ему бумаги
по истечению времени надеясь
получить переданное обратно
с подписью обитателя кабинета
однако оправдаются ли надежды
не знает а потому молча смотрит
через стол на многочисленные папки
с бумагами на обитателя кабинета
послушно ожидая подписи опасаясь
отказа) ползет замедленное время
побледневшие жужжат лампы
сидит посреди его обитатель
разглядывает себя напротив

натюрморт с фигурой

подобно объекту на ковре перед послами гольбеина фигура расположенная по центру ровно посередине небольшого участка земли засыпанного вероятно палой листвой снегом каким-то мусором и судя по всему испортившейся пищей несколько размыта искажена если смотреть прямо и способна

преобразиться в фигуру обрести осязаемую форму вылупиться из фона исключительно при плавном перемещении объектива справа налево или слева направо изображена как нечто инородное даже искусственно выращенное посреди небольшого участка земли сплошь засыпанного снегом каким-то

мусором и палой листвой оттого вероятно прежде приобретшего разноцветную структуру как нечто подобно черепу на ковре перед послами гольбеина лишнее но не противоречащее изображению в целом своим присутствием поскольку вероятно не предполагает вмешательства но призвана дополнять оное и вместе

с тем создавать контраст как нечто оттого вероятно не могущее оставаться незамеченным лежит посередине ничком раскинув конечности упакованная в одежду застегнутая на восемь пуговиц с всклокоченными

волосами

в истоптанной обуви вцепившись ногтями в землю
посреди участка в листве лежит лица не поднимая

пейзаж с фигурой

и опять происходит практически то же самое
из распухшей воронки впопыхах густую скользкую
землю ртом разверстым собирая нелепое движется
дабы напитать желудок высосать влагу ползает
в густой грязи подобно губке впитывая в себя вязкое

вещество после несомое сплюснутым телом которое
пузырем надуваясь не способно замечать трение
кожи о поверхность оттерпев посреди безлюдного
места весь отведенный ему отрезок настоящего
теперь пресыщенное иного исхода не предчувствует

кроме смирения и следует вдоль мелом начертанной
линии утыкаясь взглядом истощенным в размякшие
силуэты деревьев меж собой слившихся одинаковых
прямоугольных домов прямоходящих зверей сжатые
от холода челюсти рассматривая их внимательно

не то изучая причины со следствиями не то исследуя
структуру движения либо измеряя здесь непрерывную
продолжительность очередного кадра внутри которого
в сущности ничего осязаемого нет но есть утомительное
нагромождение фраз лишенных всякого содержания

СХЕВЕНИНГЕН

вблизи воды перемешанной с ветром на вязком
песке следы многочисленны видно где прежде
вчерашним вечером ночью или сегодняшним
утром чая не забыть обратный путь
чредились вдоль отражающей глади сливаясь
в рисунок длясь по касательной знакоподобны
в глуши разбросаны всюду предупреждением
прочим если кто решит сюда зайти

в туман густой вознамерившись выбраться скопом
глотая выспрь набухающий воздух сплотняя
остатки сплюснутых капель сцеженной сырости
мысля выйти извлекать из мглы себя
вблизи воды где осколки собачьего лая
и вопли птиц проступают сквозь бледную простынь
тумана скомканным всхлипом в пар перемолоты
волн о берег чередой несомых вспять

пока вдали от безликого города разве
артиклем что примечателен парой полотен
и морем около края видно вдоль берега
тех кто бродит по песку размыт дождем
а здесь внутри прорастающих в кожу молочно
густых паров различимы извилины пирса
но кроме этого пустошь где ослепленные

вуются формы наугад летящих птиц

ВО ТЬМЕ СЕМЯН ЖИВОТНЫ СКРЫТЫ

животны скрыты которы зерна смертных
ростки живые укротна сумма клеток
из них вздыхают червочеловеки

животны рыщут носами роют землю
а в землю скрыты другие кто избавлен
кто может больше ничего не делать

семян обрубки остатки рыхлых плевел
находят оны но там другие скрыты
пусты нелепы разновидны кости

сейчас и после из фона выникая
что им потребно исходят между прочим
спокойным вздохом или изреченьем

животны смотрят и видят предыдущих
спокойно смотрят сплошные горсти массы
нелепы разновидны роют рыщут

в простенке слышно стучат облезлы стрелки
повсюду видно идут по половице
расплывчатые точки насекомых

а в землю скрыты иные кто не видит

к кому потребно спокойно обратившись
исконное понять предупреждение

пока животны вздыхают роют землю
приходит утро потом приходит вечер
потом проходит утро день и вечер

рассуждение о доме

взаимопроникающи цилиндры слитые
решетками вбирающи потоки воздуха
на пустыре где некогда срезано было
между соседних и разрушено здание
по спаянным окружностям восьмерки сотами
прозрачны шестигранники иные спрятаны
за белизной надтреснутой слажены чуютъ
сквозь крестовины освещение местности

внизу нагромождение проходов комнаток
свидетельств обитания вверху по лестнице
второй этаж с гостиной и каменной спальней
где постаменты в половицу вырастающи
на третьем полукруглое пространство светлое
ничем не оскверненное ни сном ни мебелью
взойдя сюда над утварью всякой поднявшись
от тела к мыслям обращаясь бездействуешь

окружностью стесненные ища укромного
местечка где б изъять никто не мог спокойствие
по этажам расходятся в пол прорастая
вблизи решеток с шевелящимся воздухом
медлительны усталые зрачки у каждого
медлительно конечностей у них движение
из них никто не чувствует более срока

сливаясь с домом испаряясь из памяти

метафора пчелы

чтобы застыть неподвижно в воздухе
пчеле необходимо изо всех сил
махать крылышками и тогда однажды

она застынет опровергнув существование
движения вероятность бегства из одной
точки в другую ибо лишенное вовсе

движения время более не следует
никуда неспособное ни на что влиять
так пожалуй возможно не исчезнуть

ШЕСТЬ ВАЖНЫХ ПЕЙЗАЖЕЙ

*wearing square hats
wallace stevens*

постепенно поднимаясь по ступенькам
под весом многим покосившимся тех кто прежде
считал их десятками и сотнями куда
порой стремясь многие искушенные ростом
собора чая разглядеть оттуда
город что невзрачным вблизи пожалуй кажется
послушно идут к намеченной вершине
достигнув ступеньку пятьсот девяную
вдруг славящих плодородие наверху образы
на стене начерканных встретят там трех букв

ежедневно из-под тени от столовой
горы под солнце выбирается расставляет
на маленькой улочке у площади столы
коробки и ветхие извлекает из оных
наружу книги чтобы понемногу
всюду по столам разложить но после каждые
пятнадцать минут сменяет их другими
а те убирает и аккуратно их
в коробках располагая пыль протерев прежде чем
в темноте покинуть свой после пяти пост

это место называли дымной бухтой
когда прибывши обнаружили поселенцы
что всюду исходит почернелая земля
среди камней пятнами уплотненного дыма
расширив поры надувая ноздри
после возвели на земле пропахшей сыростью
постройки дороги площади причалы
склады для припасов лишив исконного
значения заселенную пустоту разве что
сохранив название но исчерпав дым

прихотлива паутина переходов
в утробе темной многоглазого небоскреба
стоит муравейником который над витым
колонн промеж кованых лабиринтом
где рядом театр карреньо беллас артес
в гулких уголках закоулках там проводят дни
и ночи они лишённые жилища
на грязных подстилках лежат оставлены
под многими этажами заплонив выходы
притаясь на корточках молча сидят ждут

нависая над разломами каньона
скелет подъемника разрушенного у края
над бездной изогнутой оставленный стоять
стремит ко дну щупальца указующе между
утесов рваных к красной колорадо
ибо в глубине говорят пещера полная
отходов была ценнейших но добраться

к запасам заветным тогда не смог никто
над вспоротым и пустынным теперь плато высится
на кривых конечностях сплюснут стальной горб

ранним утром по безлюдной сан витале
вблизи сплошного терракотового фасада
по плоским бульжникам задумчиво везет
перед собой старое инвалидное кресло
вцепившись крепко в ручки опираясь
дабы самому не упасть слегка седеющий
мужчина в очках в потрепанном костюме
и шляпе а в кресле сидит бездвижная
разбитая вероятно параличом девушка
с широко распахнутым наискосок ртом

Эпитафия

день за днем бродили толпы каждый слеп и безъязык
но внимательна к деталям среди них стояла вещь

повседневности чураясь обихода сторонясь
достоверностью распада увлекаясь длился год

тонки пористы пластины под ступнями ходуном
в тяжких судорогах корчась в толщу пепла погрузясь

ради дальнего смиренья и привычной доли для
наблюдала за вращением всего согбенна вещь

по истоптанной брусчатке по искрошенной земле
день за днем бродили толпы каждый глух и безымян

на развалинах громоздких на руинах на камнях
вещь спокойно умирала неодошевленная

статус КВО

начнет по кромке ходить и слушать
зря между делом на ветхи вещи
ибо так гвалт посередь померкнув
примется выть проникнув сквозь ухо

нынче ворчит шум роняя челюсть
и испещренна умами бродит
мысль скребя почву боле не в силах
истощив мышцы иным перечить

ГИМН АЦТЕКСКОМУ КАМНЮ

*dormí sueños de pierda que no sueña
o. paz*

незримых камней густота руины
незрячих глазниц на лице скуластом
пейзажа куда совокупность в крошку
истертых ведет разномастных лестниц
зияющи рты испещренны зубы
вращают вотще часовую стрелку
померкнувшу пыль исторгая разве
над глухонемым основаньем медля

пророс сквозь стекло письменами сытый
собой просверлив корневище крика
чтоб развоплотясь не изведав меры
божеств обрести прихотливый образ
метафоры в центр заплетенной круга
несомый к краям на усталых спинах
сумм всех величин продолжатель формы
очнувшись среди по-над ветром пляски

прогорклых пустот окаймленных капсул
запаянных впредь ибо так в дальнейшем
удобнее им сохранить структуру
материи суть из лучей назревшей

сменяемых солнц на плите округлой
где то ли землей то ли сном исторгнут
пробивши базальт орлорукий грозный
язык изогнув возгнещенный жаждой

четырежды был истреблен порядок
вещей дабы всех принесенных в жертву
стихиям скормить после ягуарам
иных превратив в обезьян а прочих
утопленных в рыб но теперь под пятым
светилом живым и голодным снова
на каменный диск нанесен последний
вращается век прерываясь ночью

по собственному продолжая следу
везти колесо и подспудно корчась
в усмешке живет истязаем светом
воссозданный род на пустых озерах
на зыбком сукне насыпая сушу
в охапку собрав сочлененья мифа
вспоенного для постоянства ибо
горсть знаков тогда не прервется видеть

вращенные из затвердевшей магмы
змеиной слюны дождевого сгустка
в расселинах где под присмотром круглой
венеры едва в глинобитных скрывшись
жилищах в траве в многотелом пепле
измученные шевеля губами

приникнув к земле изучая запах
точили ножи и менялись кожей

оставлен тогда вдалеке двугорбый
с проспектом прямым поперек с пустыми
домами по двум сторонам безлюдный
зажатый стоял меж горами город
увидев его разможенный череп
фундаментов вдоль перебиты кости
священным его нарекли принявши
останки жилищ за гробницы древни

вращается круг ископаем после
освоенного с непривычки века
чешуйчатых лап позвонки сверлящих
оберток и шкур затаивши ужас
среди мошкеры истязаем жидким
иссохшу траву пожиравшим солнцем
бездвижна плита по краям пришта
задумчиво ждет запрокинув ноздри

воссозданный род напитавшись пеплом
стремится ядро обнаружить вызреть
пространства вертась припадая слухом
к шершавым локтям искривленным спинам
построек пока перетерта тлеет
привычная речь оседая в связках
а вместо нее по зубам наружу
сползается хрип ничего не знача

ни этих ни тех не осталось только
округлой плиты колесо измяты
ступнями зевак пирамиды возле
больших городов и ряды в витринах
сплошные стоят погребальных масок
а вместо одних по кругам другие
подобные тем на веревках тащат
лишенное цифр чуть живое время

ТЕНОЧТИТЛАН

по какой-то случайности никто никогда толком
не интересовался
а потому не предпринимал попыток разобраться
в содержимом
этой небольшой возвышенности в самом центре города
у края
главной площади возле ничем не примечательного
внутри собора
с резным фасадом зажатого меж шумных торговых улиц
зачастую
затопляемых августовскими ливнями в результате чего
опасаясь
случайно утонуть сюда сбегались бездомные собаки
со всей округи
отчего жители соседних домов звали пологий холм
собачьим

островом но потом при прокладке электрокабеля был
обнаружен
грузный диск с изображением лунной покровительницы
на части
составные разрубленного туловища а после тщательных
раскопок
из-под асфальта глины камней котлованов снулых жилых
построек

разрушенных некогда из глубин на поверхность поднялся
главный
храм краткосрочной цивилизации прежде населявшей
местность
почившей после вмешательства извне и теперь
распластан перед
многочисленными фотоаппаратами стоит скормленный
музею

остров

почти незаметное издалека поросшее жухлой травой
лишенное какой бы то ни было иной поросли тесное
пологое

посреди промерзшего на сквозняке залива между
заостренных зубьев

двух полуостровов исторгнутое вулканом
но в дальнейшем частично

погрузившееся под воду продолговатое пятно суши
из двух неравных

частей одна из которых пожалуй напоминает баранью
голову

клочок сырого неуютного нелепого пространства порой
служащего

перевалочным пунктом для птиц щетинистую плиту
с несколькими

водоемами редкими наростами скал каменной
церквушкой

одноэтажным домом где располагается крохотное кафе
кладбищем

развалинами форта и одиноким причалом можно
пересечь

пешком от одного до другого края примерно
за пятнадцать минут

во время отливов по всему контуру на поверхность

взбираются
некогда прибитые к берегу изъеденные ржавчиной
остовы кораблей
обгрызенные винты якоря циклопических размеров
наполовину
врытые в грунт подъемные механизмы искривленные
когти мачт
с налипшими водорослями панцирями моллюсков
переломленные
хребты металлических трубок полые цилиндры
лебедочных барабанов
с ошметками тросов и прочие разбросанные в грязи
обломки
рыболовецких и грузовых суден вздымаются над
плоскостью
наподобие не то оборонительных сооружений не то
эксгумированных
во имя пристального исследования древних захоронений
дабы позднее
вернуться в промозглую тяжелую воду смиренно
пропадая из поля
зрения оставаясь однако там ожидать следующего
оборота цикла
также смиренно ворочающего грузные туловища волн

по выходным с октября по май трижды в день сюда
и трижды
обратно ходит небольшой паром вмещающий около
пятнадцати

человек на котором помимо немногочисленных
желающих увидеть
пустоту то есть в сущности не увидеть ничего кроме
скромных
построек пожелтевшей травы почернелых камней
ветра скал
пожелтевшей травы камней скал ветра построек
обрывающихся
троп беспорядочно разбросанных повсюду на остров
отправляются
смотритель церкви официант он же повар
и управляющий кафе
а обратно последний паром отходит от причала
в полпятого вечера
но никто не считает прибывших никто не делает обхода
никто никого
не ищет никому ни до кого нет дела на посадку отводится
семь минут

КИНГ УИЛЬЯМ СТРИТ

здесь или в любой другой части города
где по выпрямленным улицам изо дня
в день движутся минуя безликие здания
с безликими вывесками магазины кафе
банки музеи цветочные лавки станции
метро сосредоточившись на ступнях

в гуще сырой измороси на фоне зимнего

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.